

УДК 32.019.51: 323.173

Н.Г. Щербинина

ГЕРОИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ НА УКРАИНЕ

Поднимается проблема негативной политической коммуникации, эффект которой создает использование языка героического политического мифа. В результате на Украине возникают два параллельных ценностных мира, не позволяющие достичь смыслового консенсуса.

Ключевые слова: мифо-героическая политическая реальность, политическая коммуникация, ценности, смысл, факты-конструкты, образ врага, мотив победы.

Одним из постулатов современной коммуникативистики является утверждение о том, что СМИ в ходе формирования новостного потока не могут навязать воспринимающей стороне, что именно ей думать. Однако во власти СМК конструирование проблемы, а это означает способность медиа подсказывать реципиентам, о чем конкретно им размышлять. На момент исследования в российской медиаповестке, очевидно заданной глобальной политической повесткой дня, на первое место была выдвинута проблема так называемого украинского кризиса. Поскольку данная работа носит теоретический характер и не предполагает анализа новостного контента, то в качестве первичного источника о героических феноменах украинского сопротивления выступали российские теленовости, тогда как героические проявления официальной киевской власти фиксировались по вторичным данным. Для идентификации героических конструкций, которые не зависят от обоюдных фальсификаций, на наш взгляд, этого уровня «погружения в материал» вполне достаточно. Итак, с одной стороны, транслировалась доминирующая официальная версия, выраженная в форме подачи консолидированных западных новостей, включая украинские версии. Она составляла содержание централизованной пропагандисткой конфигурации, которая и задавала рамки внимания. С другой стороны, альтернативным источником информации выступали российские СМИ, выражая попутно и мнение оппозиции киевской власти в качестве полноправной темы. В любом случае для того, что именно думать, существуют интерпретационные схемы, конституирующие смысл как таковой. Само привлечение схемы, сведение содержания коммуникации к этой схеме, и есть смыслополагание, согласно А.Шюцу [1. С. 782]. И такой схемой, имеющей архетипическое, т.е. бессознательное символическое оформление, выступает мифо-героическая модель. В результате ее наложения на продуцируемый и воспринимаемый медиаматериал происходит конструктивное (фактологическое) наполнение коммуникации, вот только факты-конструкты являются мифологическими по своей сути. Причем к данной схеме в плане самоконструирования политической реальности одинаково и симметрично прибегают обе стороны конфликта, поскольку главный тип

конфликта, при всех его социально-политических и экономических признаках, все же ценностный, лежащий в области культуры.

Другими словами, обе стороны ценностного противостояния на Украине используют одну и ту же схему в деле конструирования реальности. И если официальный Киев делает упор на политическое конструирование реальности конфликта, который постепенно перерос в военную фазу противостояния, то сторона сопротивления опирается на социальное конструирование реальности, подверженное более культурным, чем властным, факторам. При использовании метафоры войны получается, что официальный дискурс «наступает», а оппозиционный «обороняется». Это обстоятельство и определяет «рисунок» информационной войны. Итак, в антитетичном медиaprостранстве политической коммуникации (украинские медиа / российские медиа) конституируется виртуальный мир противостояния, а предметом спора выступают ценностные представления о правильном, справедливом и лучшем в мире политике. Тем самым в плане политического дискурса политико-социальной практики обмена информацией и мнениями получил преобладание мифодискурс. В пространстве данного мифодискурса мы очевидно встречаем и с той, и с другой стороны героическую политическую конструкцию реальности, обладающую одной конституцией. И сразу надо подчеркнуть, что конституирование именно параллельных героических политических реальностей не просто затрудняет коммуникацию, но делает ее практически невозможной. Если продолжить мысль А. Шюца о коммуникативной специфике субъективных реальностей, можно обнаружить, что ушедший в себя мир политического мифа представляет собой смысловую замкнутость, не способную к коммуникации как раз значимых миров. По сути, дискурсивные практики и власти, и сопротивления реагируют друг на друга лишь рефлекторно и конститутивно, т.е. утверждая и подтверждая антагонистические смысловые миры. При этом один мир исключает другой, делает его бессмысленным. А перевод смысла в иной знаковый контекст затруднен тем, что эмоционально-образный язык героического политического мифа вообще непереводим на язык рационального диалога и компромиссов.

Среди идентифицирующихся элементов героического политического мифа в дискурсивной практике описания и самоописания хода «украинского кризиса» выделяются моделирующая мифосхема герой – враг и мотив победы над врагом. Тем самым политический миф не явлен еще как «прописанный» сценарий героической истории, т.е. полная версия мономифа. При этом героическая реальность в пространстве политической коммуникации имеет типичный для мифа семиозис, о котором писал Ю.М. Лотман. Смысловой посыл здесь сводится к «процессу номинации» [2. С. 527]. Данную реальность по праву можно назвать *номинативной политической реальностью*, имея в виду мифо-героический дискурс конфликта. Однако, и в этом состоит еще одна ее особенность, имя собственное, отождествляемое с Героем-лидером, используется в данной дискурсивной практике очень редко, о чем мы скажем далее при описании конструирования феномена политического лидерства. В типичных дискурсивных формах мифологические персонажи просто называются «героями»: «героям слава», «беркуты-герои», «ополченцы-герои». В семиотическом пространстве политического дискурса таким

способом номинируется «героическое воинство» противостоящих субъектов в политическом ценностном конфликте. В данном конкретном случае «герой» становится субститутом имени собственного и отражает номинационный стиль мифо-политической реальности. Если герои еврамайдана и его боевые части были официально поименованы в революционной митинговой репрезентации, то узнавание героев антимайдана и сопротивления власти официального Киева происходит как переименование: «Ребята, вы все – герои», – говорит женщина в Харькове подвергшимся гонениям бойцам-беркутовцам. Здесь само имя мифологично, о чем пишет тот же Лотман. Таким способом акт номинации и конституирует мифореальность, и она моделируется как цельный мир через этот символический акт называния «геро-ем», поскольку в мифе часть и есть целое. Конфликтность указанного мифодискурса проявляется и в его «отзеркаливании»: «героям майдана» противостоят «герои антимайдана». Вместе же «герои/антигерои» образуют героический архетип как таковой.

Конститутивную роль в героическом мифотворчестве занимает *образ врага*, потому мифосхема «герой □ враг» символически оформляет политическую реальность, способствуя коллективной идентичности негативного толка [3]. Герой и враг находятся во взаимной зависимости, и герой появляется в силу своего противостояния врагу: «фашисты / антифашисты», «боевики / ополченцы». Конечно, и с той и с другой стороны конструируется и постоянно «обновляется» в СМИ ведущий образ врага. Наиболее смыслоносущими терминами для обозначения врагов служат «фашисты» и «сепаратисты», поскольку выражают как раз неприятие ценностей друг друга. Сама конструкция образа врага типична и даже архетипична. «Враг» вообще, любой враг: 1) обладает всеми самими отвратительными качествами (жесток, подл, коварен и т.п.); 2) он всегда неправ и несправедлив, потому ему нельзя верить по определению; 3) с ним нельзя заключить мир и невозможно, по сути, вести переговоры, которые требуют компромисса; 4) враг всегда вредит и наносит ущерб. Как известно, есть враги внешние, главные, непримиримые и внутренние, которые служат внешнему врагу, предавая тем самым «свой» мир (См.: [3. С. 229]). В ценностном конфликте на Украине официальная киевская власть трансформирует внутреннего врага во внешнего, повышая его «вражеский» статус. Враг подается как иноземный агрессор, которому помогают внутренние предатели. Для сил же сопротивления на востоке Украины вражеская власть, жестоко подавляющая свой народ, по сути, тоже трансформировалась в захватчика земли самопровозглашенных республик. Чем более опасным и серьезным рисуется в политической пропаганде враг, тем больше эмоциональных проявлений ненависти он вызывает.

Поединок героя и врага схематически отражен еще в архаических мифах, где враг имеет змеевидную форму. В этом поединке Добро противостоит Злу как архетипические фигуры, которые часто персонализируются. Это противостояние в христианской традиции приобрело смысл полярного разведения «своих» и «чужих» ценностей и неразрешимой моральной дилеммы. Ценности врага не просто обесцениваются, они считаются антиценностями, стоящими вне культуры и цивилизации. Потому *враг*, как правило, *лишается человеческой сущности* (Дьявол или Зверь трактуется как враг всего рода че-

ловеческого). В известных ранее пропагандистских текстах враги подаются словесно и визуально в образе страшной «гидры», отвратительного паука, бешеной собаки, злобного хищника, подозрительных пресмыкающихся [4. С. 216]. Символическую операцию превращения человека в животное В. Боннелл считает деструктивной и поясняет ее смысл: «Искусство изображения врага – это, прежде всего, искусство трансформации человека во что-то нечеловеческое и представление его в форме, узаконивающей данную деструкцию или, по крайней мере, ущемление» [5. Р. 198]. При этом зооморфные метафоры призваны вызвать брезгливость и стремление осуществить символический ритуал «очищения» от скверны (См.: [6]). Бытует даже вербальный пропагандистский штамп «враг обнаружил свою звериную сущность», что определяет и назначение традиционного символического акта лишения его человеческих характеристик. Общий термин «зверь» для подчеркивания бесчеловечности врага используется вообще очень часто, например, в отношении описания поведения «боевиков Правого сектора» нацгвардии на мятежном Востоке. Так, постоянно подчеркивается, что собственно украинская армия человечна, она не хочет воевать с народом, но за ней идут «боевики», а они – «звери». О летчиках, расстрелявших центр Луганска, говорят: «Они не люди». 16 июня и.о. премьер-министра Украины А. Яценюк, в свою очередь, называет противников 'sub humans' – унтерменшами, противостоящими героям-летчикам сбитого под Луганском военно-транспортного ИЛ-76 ВВС Украины, которые «защищали жизни женщин, детей и стариков». К такому же приему понижения политического противника до «недочеловеческого» врага относится и термин украинской стороны «колорады». Так, печально известный сотник Микола, стрелявший по окнам Дома профсоюзов в Одессе, докладывал по телефону, что «колорады» остановлены. В этой логике враг не человек, к нему не применимы ценности гуманизма и сострадания, а уничтожение врага – долг героического воинства. Косвенное отношение к данной понижающей символизации, предполагающей особые правила взаимодействия с врагом, имеет и рекламная кампания олигарха Коломойского «сдай сепаратиста». Здесь имеется в виду, что к врагу не приложимы и нормы человеческой морали. Так, в официальной киевской пропаганде военной операции по подавлению сопротивления Донецкой и Луганской областей речь идет о том, что «сепаратист» не обычный человек, а зверообразный «террорист», нападающий первым из-за угла, которого надо физически уничтожить. Потому возникло как бы две войны для Киева: одна представляет собой геноцид местного населения по принципу нахождения на определенной территории, другая – мифореальность борьбы с полчищами врагов. И та, и другая идут на уничтожение противника, но в медиальном сражении явлена вторая версия. Для понижения человека разумного до озверевшего иррационального врага со стороны жителей всего Юго-Востока часто используется выражение «бандерлоги». Исходным словом здесь выступает обозначение народа обезьян, «банадар-логов», приводимое Кипплингом в «Книге джунглей». Ю.М. Лотман полагает, что Кипплинг противопоставляет организованное поведение в джунглях животных-героев бессмысленному действию бандадар-логов. Кроме того, бандадар-логи произвольно соединяют со смыслом и слова, т.е. болтают бессмыслицу [7. С. 650, 659]. От этого термина и про-

изошло созвучное ему «бандерлоги», синтезирующее черты фашистского и звериного. «Бандерлоги» совершают бессмысленные и ничем не оправданные жестокие поступки. Так, отец одного из отпущенных ополченцами солдата-срочника в Луганске говорит: «Бандерлоги бы не отпустили».

Война в реальности любого политического мифа ведется до победного конца, а *мотив победы* – неотъемлемая его составляющая. Героям нужна победа над врагом, и в политическом мифодискурсе, как и в архаическом мифе, конституируются две победы: полная и окончательная, когда враг не только побеждается, но и добивается, т.е. физически уничтожается (чаще всего в очищающем огне, согласно эсхатологическому мифу). Победа соединяет героев со Славой, это одна из парных символических фигур для героя (другой служит Родина). Интересно, что антигерои в мифе ведут себя неверно и в отношении Родины: «Разве можно в Родину стрелять?» – поют матери насильно мобилизованных у ворот украинской воинской части. Кроме того, битва с врагом актуализирует и мотив жертвенности героев, жизнь которых принесена на алтарь победоносной борьбы. Первыми жертвами в пространстве коммуникации стала «небесная сотня», против которой воевала некая таинственная вражеская «черная рота». С другой стороны, «беркуты» сами стали жертвами снайперов, врага, так сказать, сидящего в засаде. Затем стало множиться число «мучеников за федерализацию» (похищенные лидеры сопротивления, сожженные в Одессе и Мариуполе, погибшие в боях на Востоке и т.п.). Стезя героических мучеников интерпретируется как добровольная жертва в основание Нового Мира. «Россия 24» многократно показывала, как православные священники Славянска, Луганска и других городов сопротивления благословляют ополченцев, ставших на путь страданий и подвижничества. Один из активистов донецкого сопротивления прямо возвещает, что именами героев-ополченцев, которых, раненых и безоружных, изуверски расстреляли под флагом красного креста, назовут города, улицы, школы и прочие объекты этого будущего мира. Данный мир наступит после решающей битвы с врагом. Аналогично на площади Независимости в Киеве был оформлен «иконостас» с ликами-изображениями «небесной сотни», погибшей за идеалы революции, возвестившей начало новой эпохи без олигархов и с европейскими приоритетами на знамени.

Итак, очевиден ценностный стержень данной конфликтной коммуникации в контексте героического мифа. Ценностный раскол, как и положено, артикулирует две параллельные системы ценностей. И хотя каждая сторона имеет рациональный образ будущего, где унитарная держава противостоит федеративному государству, все же ценностный вектор обращен в антителичное прошлое, а именно в период «советской оккупации» / «Великой Отечественной войны». Отсюда задается и феномен отсутствия Героя-лидера в настоящем: героев много, а Героя нет, нет политического Лидера с обеих сторон. Таким образом, героическое политическое лидерство носит коллективный характер, и ценностная иерархия героического политического мифа не достраивается до конца. Это не позволяет развить тему спасения и Спасителя, а образы Запада и России в данном ключе не дают возможности персонализации как идентификации имени Героя. Мы уже писали о том, что означивание осуществляется путем номинации, но Имени героя-основателя мира

нет, и героический путь оказывается непройденным, «волшебное средство» не найдено, а миф остается незавершенным. Миф как бы «сворачивается» до мифоэлемента поединка героя и врага. Отсюда и значение георгиевской ленты, этого *атрибута* сопротивления и *победы*. Потому в ценностном конфликте георгиевская лента и приобрела форму знамени победы, ведь Святой Георгий – один из змеборцов, победивший врага именно в поединке. Символами сопротивления второго порядка выступают советская символика и российский триколор. При всей пестроте этой символики сопротивления она концептуализирована мифологически. Но очень трудно, напротив, выделить единый *символ реванша*, выражающийся фактически в многочисленных проявлениях негативной коммуникации: разрушении советских памятников; репрессиях в отношении тех, кто атрибутирован георгиевской лентой; нацистских манифестациях; изменении интерпретации празднования 9 Мая в качестве дня поминовения «жертв оккупации»; антироссийских акциях, типа осквернения стелы российско-украинской дружбы, и т.п.

Из мифологического мотива поединка вытекает и символическая практика *войны флагов*. Поднятие флага – это один из самых эмоционально нагруженных политических ритуалов, который фиксирует «свое» пространство и космизирует его. Политическое пространство имеет некие особенности: оно дискретно, включает в себя лакуны и пустоты и потому помечается точечно. Отсюда, кстати, и символическое значение захваченных зданий: сегодня в качестве таковых преобладают телецентры и административные строения. Но главными смыслонесущими метками до сих пор являются названия мест, потому революция всегда все переименовывает (города, улицы, площади). И в ходе самой революции как ценностного конфликта происходит, с одной стороны, уничтожение знаков бытия «чужой» власти, а, с другой, манифестация «своих» отличительных символов власти «правильной». Любая символическая революция демонстрирует саму эту перемену символов власти. Вот почему все демонстранты ходят под флагами, и ценностная динамика зачастую явлена как «битва флагов». Например, украинскому государственному флагу, под эгидой которого уничтожаются советские символы, противостоит новый георгиевский флаг, символизирующий изначальное мифологическое время, когда репрессируемые символы, напротив, создавались. По этой же причине первым признаком конституирования новых политических образований стали флаги самопровозглашенных ДНР и ЛНР, генетически связанные с политической символикой России. В данной связи находится и поднятие «знамени Победы» над Домом профсоюзов в Одессе. Битва зачастую происходит не только как символический жест, но и как физический акт: так, в передаче «Мобильный репортер» попало видео, на котором в той же Одессе две девушки (одна из них несла копию Знамени Победы, а другая позже пришла ей на помощь) буквально в драке отбили этот святой для них символ у трех парней-националистов, пытавшихся его отнять. Из символики, которая конструирует героическую политическую реальность сегодня, актуализировались в ценностном конфликте на Украине и *города-герои*, атрибуты еще советской «страны героев». Первым символом сопротивления стал город-герой Севастополь, «неприступный для врагов», вторым – город-герой Одесса. После акции утращения в Одессе она как город-герой и город-мученик стала противопоставляться Киеву, добровольно утратившему свою героическую сущность. Не-

случайно митинг в поддержку Одессы в Москве прошел на Аллее городов-героев в Александровском саду у монумента, посвященного данному городу как героическому субъекту.

В результате символически выстраивается политическое пространство конфликта ценностей, а именно, *мир и антимир*. Для Киева «мир» это единая и неделимая страна, репрезентированная картой Украины и мифом о нации, а «антимир» – совокупность нелюдей-сепаратистов, от которых надо спасти эту виртуально бытующую реальность. Отсюда и столь настоятельное желание космизировать враждебный мир сопротивления, но сделать это на мифологических, а не на демократических основаниях (мифомир представляет именно карта, а не граждане). Ввиду того, что граждан распадающегося государства изначально не собирались спасать (спасению подлежит в лучшем случае территория), в ценностном противостоянии Крыма и Киева понятие «политический мир» трансформировалось в общекультурное понятие «дом». Дом – это символ «своего», противостоящий злему и «чужому» антимиру. Отсюда и адекватная формулировка политического лозунга «Возвращение домой». Таким символическим возвращением в исторический «дом» стал и проект собирания «Новороссии», геополитического пространства между Украиной и Россией. В описании народного мэра Донецка П. Губарева эта новая реальность будет лишена коррумпированной олигархии, напротив, в ней появится настоящее «прямое» народовластие. Конечно, перед нами идилическая страна, некий мифический Золотой Век, очередное светлое будущее. Прямое отношение к этим ценностным конструктам политического сознания имеет и актуализированное в мифодискурсе понятие новой реальности «Русский мир». Здесь мы видим очередное виртуальное культурное единство, конституированное на основе лучших базовых ценностей славянских народов, стоящее в одном смысловом ряду со средневековыми понятиями «Славянский мир» и «Святая Русь». Идеологическим срезом данной мечты стала «русская идея», хотя ее востребованность в России с 1990-х гг. резко снизилась. Указанные символические реальности, имеющие эмоциональное «окаймление», служат для идентификации «своего» как раз в ценностном ключе. В таком случае правильный и справедливый русский мир противостоит несправедливости и неправде антирусского мира. Мы не затронули в данной связи еще один аспект героической мифореальности – ее цветовую символизацию. Еще в средние века существовало понятие «Белая Русь», в которой царствовал Белый царь (и царство и царь здесь сакрализованы), а антитезой ему выступало злое царство тьмы (символизированное Дьяволом). Аналогичное цветовое противопоставление в дискурсе конфликта было отражено в упомянутой уже антитезе «небесной сотни» и «черной роты». Но номинация ополченцев как врагов Киева в последующей за евромайданом гражданской войне на востоке не дотягивает до уровня демонизации. На наш взгляд, типичное название повстанцев, скорее, указывает на рационально идентифицируемую опасность – «сепаратисты». Дьявол всегда персонифицирован, и он есть величайшее глобальное зло, а «сепаратистов» много, и они зло мелкое. Не отвечает требованию демонизации и термин «колорады», да, он опускает врага, но на уровень насмешки, простого уничтожения, а не драматизирует героический поединок. Отсюда «герои майдана», которым изначально противостояли эпические воины-беркуты, позднее понижены собственной иронией до борцов с обычными «вредителями». Здесь тотальный

страх сменяется конкретной безгловостью. Эту недостачу антигероического потенциала восполняют в мифоверсии Киева муссируемые пропагандой вездесущие пророссийские воинские силы, типа пресловутого «чеченского батальона». Со стороны же сопротивления и в российской пропаганде в целом истину дьявольские черты приобретает образ уже упомянутого олигарха И. Коломойского. Другими словами, именно Коломойский для сопротивления Востока воплощает в себе абсолютное Зло: он коварный и беспринципный предатель, всесторонний творец зла и спонсор армии зла, обманщик даже собственного народа, злокозненно растлевающий слабых и жадных, сеющий страх и смерть повсюду. Нет ни одной сферы конфликта, в которой бы Коломойский не идентифицировался как его движущая сила. В мифологии сопротивления Киеву коллективный враг, подчиненный Злу, еще и дополнительно демонизируется через цветовой символ – это «черные люди» (гвардия, спецназ, снайперы и т.п. военные профи), которые ведут бой «на поражение». Итак, «белое» все же противостоит «черному» и переходного цвета нет. Добро против Зла, герои против врагов.

Таким образом, конструируются две антитетические героические политические реальности, фактами-конструктами которых выступают микроистории о героях и их врагах, о поединке Добра и Зла. Эта конструкция из двух героических политических мифов имеет ценностные основания в Прошлом, которое идеализируется. Там находится либо Великая Победа над фашизмом, либо идея Реванша, которую символизирует иконический образ национального героя Бандеры. Д. Ярош, лидер радикалов, по этому поводу заявил: «Фактически мы исполнили мечту многих украинцев, и бандеровская армия наконец-то перешла Днепр». И, конечно, конструируется образ будущего: великая и единая национальная держава Украина / федерация народных республик Новороссия. При этом все остальные проекты федеративного устройства с символическим центром в Киеве выпадают из мифореальности, они вне конфликта ценностей. Всё вышеперечисленное создает два ценностно параллельных мира, ментально раскалывающих Украину. И этот ценностный раскол не позволяет в принципе осуществлять именно политическую коммуникацию. По крайней мере, можно сделать вывод, что не только борьба за монополию государственного языка одних и суверенное право на русский язык других, но язык героического политического мифа, на котором говорит пропаганда обеих сторон, разводит их на знаковые полюса и не дает им возможности осуществить «смысловой перевод». До сих пор (на момент вступления в должность П. Порошенко) язык героического политического мифа, который «кодирует» реальность, организует коммуникацию лишь внутри каждого смыслового мира в пропагандистской форме. Возможен ли в таком случае политический диалог вообще? Вероятно, возможен, но только при использовании другого немифологического языка, оформляющего иные дискурсивные практики, которые дадут шанс понять друг друга. А значит, и осуществить не только ретрансляцию однонаправленной информации, но и обратную связь в коммуникативном взаимодействии.

Литература

1. Шюц А. Смысловое строение социального мира. // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 687–1006.

2. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура: Статьи и исследования // Лотман Ю.М. Семiosфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – С. 525–543.
3. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 287 с.
4. Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага. – М.: ОГИ, 2005. – С. 191–229.
5. Bonnell Victoria E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. – Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1999. – 363 p.
6. Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 1(24). – С. 16–22.
7. Лотман Ю.М. О динамике культуры: Статьи и исследования // Лотман Ю.М. Семiosфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – С. 647–661.

Nina G. Shcherbinina. Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Political Science of the National Research Tomsk State University. E-mail: sapfir.19@mail.ru.

HEROIC CONSTRUCTIONS OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF CONFLICT OF VALUES IN UKRAINE

Key words: *mythic-heroical political reality, political communication, values, sense, facts-constructs, image of the enemy, motive of the Victory*

In the conflict of values in Ukraine both sides use the same mythic-heroical scheme that simulates two parallel political realities that are expressed in terms of propaganda. The reality of this type according to its genesis can be called "nominative" one, i.e. it is simulated by the very act of denomination as "heroes". However, the phenomenon of heroes depends also on the designation of enemies, that is why exactly they play a major constitutive role. The feature of the political myth under examination is in its incompleteness: instead of creating of the full version of monomyth and phenomenon of Saviour, micro history of a battle between collective heroes and their enemies is constructed. Due to the importance of this mythic construct a great attention is paid to the image of the enemy, which is deprived of human nature (as it is reflected in the discursive forms "Colorado" and "Banderlogs"). The mythic motive of the Victory over the enemy is also in the semantic connection with the heroic fight. In the process of development of this motive the idealization of the past occurs, which is also understood in antithetic way: Soviet / anti-Soviet. Here the symbolic war of flags begins when Ukrainian national flag is confronted with St George's flag (sometimes tricolour). Also herocities are reproduced as mythic subjects of a new reality from the category of Soviet symbolic attributes. But the main conflict is associated with general cultural categories of "peace" and "anti-world" that represent the image of the future mythic world which includes values of each party to the conflict. In the format of such a discursive conflict the effect of negative political communication appears, when each side becomes isolated in its own semantic world. As far as each of the worlds is a world of heroic political myth, they can not communicate in general. The fact is that "one's own" world – is full of meaning, and the "outsider's" world – is meaningless. As a result, this principal emotional language of heroic political myth makes the pragmatic dialogue impossible, all this highlights the problem of a semantic translation

References

1. Schütz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchysya smyslom* [Selected works: the world glowing with sense]. Translated from German and English by V.G. Nikolaev. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, pp. 687–1006.
2. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. *Mif – imya – kul'tura: Stat'i i issledovaniya* [Myth- name- culture. Articles and research]. In: Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2001, pp. 525–543.
3. Shcherbinina N.G. *Mifo-geroicheskoe konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii* [Mythological and heroic construction of Russian political reality]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 287 p.
4. Vashik K. *Metamorfozy zla: nemetsko-russkie obrazy vraga v plakatnoy propagande 30–50-kh godov* [Metamorphosis of the Evil: German-Russian enemy images in the poster promotion in 1930–50s]. In: Gudkov L. (ed.) *Obraz vraga* [The image of the enemy]. Moscow: OGI, 2005, pp. 191–229.
5. Bonnell V. *Iconography of power: Soviet political posters under Lenin and Stalin*. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1999. 363 p.
6. Weiss D. Parasites, carrion and rubbish. The image of the enemy in Soviet propaganda. Translated from German by L.V. Bykova. *Politicheskaya lingvistika*, 2008. Issue 1(24), pp. 16–22.
7. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2001, pp. 647–661.